

крестьянскую литературу, создание «предков рабочих и крестьян, ныне строящих бесклассовое общество».¹⁸

При всех расхождениях между Десницким и Мирским в оценке исторического содержания российского XVIII в. как эпохи, взятой в целом, их сближает пренебрежительное отношение к тому, что является важнейшим «художественным выражением» этого времени, к тому, что сохраняет эстетическое воздействие на протяжении столетий.

Мирский и Десницкий спорят о роли буржуазии («третьего со-словия») в литературном движении эпохи, проецируя на нее проблематику XX в. (Десницкий прикровенно, Мирский — прямо) и свободно распоряжаясь в своих схемах размещением социальных сил.

Г. А. Гуковский, который всегда в своей исследовательской работе опирался на всестороннее знание реальной литературы XVIII в., не предложил какой-либо новой социологической схемы и прямо не возражал ни Десницкому, ни Мирскому. Отвечая дискуссантам, Г. А. Гуковский предложил вместо схем и концепций иной подход к литературе XVIII в. и иное, чем у его оппонентов, понимание ее общекультурного значения: «Мы должны открыть XVIII век для широкого читателя, для вузовца, для преподавателя школы, для рабочего, которого интересуют судьбы нашей литературы. Мы не можем удовлетвориться борьбой за научный подход к фактам XVIII в. внутри науки; такая борьба будет бесплодна, пока мы не вынесем ее на трибуны научной мысли, в широкую печать». И далее он говорит, что нужен «поворот в общественном восприятии фактов этой литературы, когда читатель, считающий долгом культуры знать и любить Толстого, хорошо помнить Тургенева и Тютчева, прочтет и оценит Державина, Карамзина и Сумарокова».¹⁹ Гуковский предлагал сначала узнать, а уже потом судить и, если надо, создавать схемы и концепции.

Статьи Десницкого и Мирского опрокидывали в прошлое России то представление о классовой борьбе, которое возникло как отражение действительной политической ситуации, создававшейся в годы гражданской войны, а затем намеренно использованной Сталиным для его «революции сверху» в 1929—1931 гг.

Рассматривая литературу как внешнюю форму идеологии, а идеологию понимая как прямое выражение интересов какого-либо определенного класса, некоторые участники этого спора сами для себя делали невозможным проявление какого-либо интереса к «салонному реализму Фонвизина» (Мирский) или к творчеству Карамзина. Классовая определенность идеологического содержания дворянской литературы предопределяла ее чуждость и неп-

¹⁸ Там же. С. 509.

¹⁹ Там же. С. 319.